

М.Л.Гаспаров. Еврипид Иннокентия Анненского

Еврипид. Трагедии. В 2 томах. Т. 1.

"Литературные памятники", М., Наука, Ладомир, 1999

OCR Бычков М.Н. mailto:bmnb@lib.ru

Иннокентий Анненский был щедро вознагражден посмертной славой за прижизненную безвестность. Но слава эта все же неполная. У него было четыре дарования: он был лирик, драматург, критик и переводчик Еврипида. Прочная слава пришла только к его лирике; переводы Еврипида упоминаются с почтением, но мимоходом; критику хвалят, но с усилием; а о четырех драмах на античные темы стараются не вспоминать. (Пятое его дарование – педагогика – почти вовсе не известно.) Отчасти причиной этому – разделение труда: исследователи поэзии Анненского мало читают по-гречески, а филологи-классики мало интересуются стихами Анненского.

Между тем Еврипид Анненского едва ли не важнее для понимания Анненского, чем для понимания Еврипида. Если лирика – это парадный вход в его творческий мир (парадный, но трудный), то Еврипид – это черный ход в его творческую лабораторию. Так часто бывает с переводами. Когда поэт пишет собственные стихи, бывает нелегко отделить в них главное для поэта от неважного и случайного. Когда поэт вписывает в чужие стихи что-то, чего не было в подлиннике, – будь то образ, мысль или интонация, – то ясно, что он делает это потому, что без этого он не может. Анненский, извлеченный из его Еврипида – из переводов и сопровождающих статей, – был бы более концентрированным Анненским, чем тот, которого мы видим на полутора страницах его оригинальных стихов.

"Язык трибуна с сердцем лани" – писал Анненский в стихотворной надписи к своему портрету. Вряд ли кто из читателей услышит в его стихах и статьях "язык трибуна". Но Анненский знал, о чем говорил. Он был сверстник Надсона, Гаршина и Короленко, брат своего брата народника, воспитанный в самой публицистической эпохе русской культуры. Собственными усилиями, скрытыми от глаз современников, он сделал из себя того образцового человека *fin de siecle*, каким мы его знаем. Внутренний ориентир у него имелся, "сердце лани", полное страха перед жизнью, не выдуманно: он был смолоду больной, всегда под угрозой разрыва сердца, неврастеник с осязательными галлюцинациями. Но внутреннего ориентира недостаточно: "языком сердца говорить" не так просто, как казалось романтикам, этот язык тоже нужно сперва выучить. Нужен был ориентир внешний. Таким ориентиром для него стали французские "парнасцы и проклятые" – и Еврипид.

В обращении к французам он был не одинок. Другой его сверстник, П. Якубович-Мельшин, тоже переводил Бодлера, тоже от потребности сердца и теми же приемами, что и Анненский. В мировоззрении Анненского мрачный агностицизм Леконта де Лиля опирался на старый атеизм Писарева. На модное сверхчеловечество Ницше у него уже не хватило силы; он устал от самовывывания, от той пропасти между Надсоном и Малларме, которую ему пришлось преодолеть одним шагом. Но себя он выковал – и новый поэтический язык тоже.

В работе над этим новым языком у него было два ряда упражнений – более легкие и более трудные. Более легкими были переводы из французских поэтов: здесь нужно было преодолевать сопротивление материала в себе, изламывать привычный надсоновский (в лучшем случае фетовский) язык по чужим образцам. Более трудными были переводы из Еврипида: здесь нужно было преодолевать сопротивление материала перед собой, переделывать по тем же новейшим западным образцам язык античной трагедии, еще гораздо менее податливый. (Каким подспорьем для Анненского при этом был леконтовский прозаический перевод Еврипида, тогда знаменитый, а теперь забытый, – этого пока еще никто не исследовал.) Французов Анненский переводил на имеющийся русский язык, преображая его; Еврипида он переводил на новый, преображенный русский язык, без опоры на традицию, как первопроходец.

(Полвека спустя похожими стилистическими упражнениями на поприще перевода стал заниматься Пастернак, взявшись за Шекспира. Пастернак в это время в собственных стихах перешел на "неслыханную простоту", а прежнюю шероховатость и резкость своего знаменитого стиля перенес на переводы: здесь, в царстве традиционной гладкописи, даже в умеренных дозах она была